

УДК 821.511.151

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-427-438

Аксиологическая антитеза в образной системе марийского нравственно-психологического рассказа второй половины XX века

Л. В. Калашникова

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация,
lvkala@rambler.ru*

Р. А. Кудрявцева

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация,
kudsebs@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья представляет собой первый в региональном и отечественном литературоведении опыт рассмотрения поэтики марийского рассказа второй половины XX века в контексте художественной аксиологии.

Цель: выявить и охарактеризовать аксиологическую антитезу в образной системе марийского нравственно-психологического рассказа второй половины XX века.

Материалы исследования: рассказы В. Микишкина, З. Катковой, М. Илибаевой, отобранные нами как наиболее значимые в художественном отношении и с точки зрения выраженности в них интересующей нас проблемы (аксиология и композиция образной системы).

Результаты и научная новизна. Результатом исследования стало обоснование связи между аксиологической авторской концепцией и поэтикой композиции в марийском рассказе второй половины XX века. В статье применительно к марийской национальной литературе впервые доказано, что именно аксиологическая антитеза определяет в рассказе особенности построения и смыслового насыщения его образной системы. Научная новизна представленного материала обусловлена ещё и тем, что рассмотренные в статье рассказы («Тебя помнят, Македон!» В. Микишкина, «Чужой» и «Ради любви» З. Катковой, «Раскопанная грядка» и «Гармония души» М. Илибаевой) не только в аспекте художественной аксиологии, но и ни в каком другом аспекте в работах других авторов ещё не становились предметом специального научного анализа.

Ключевые слова: марийская литература, вторая половина XX века, нравственно-психологический рассказ, художественная аксиология, поэтика, композиция, образная система, антитеза.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00086.

Для цитирования: Калашникова Л. В., Кудрявцева Р. А. Аксиологическая антитеза в образной системе марийского нравственно-психологического рассказа второй половины XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 427–438.

Axiological antithesis in the figurative system of the Mari moral and psychological short story of the second half of XX century

L. V. Kalashnikova

*Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russian Federation,
lvkala@rambler.ru*

R. A. Kudryavtseva

*Mari state University,
Yoshkar-Ola, Russian Federation,
kudsebs@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: this article is the first experience of considering the poetics of the Mari short story of the second half of XX century in the context of art axiology in regional and domestic literary criticism.

Objective: to identify and characterize the axiological antithesis in the figurative system of the Mari moral and psychological short story of the second half of the XX century.

Research materials: V. Mikishkin's, Z. Katkova's, and M. Ilibaeva's short stories selected by us as the most significant in the art relation and in terms of expressiveness of the problem interesting for us (axiology and the composition of the figurative system).

Results and novelty of the research: the result of the study was the rationale of the connection between the author's axiological concept and the poetics of composition in the Mari short story of the second half of XX century. In the article it is proved for the first time in the context of the Mari national literature, that it is the axiological antithesis determines in the story the peculiarities of construction and semantic saturation of its figurative system. The scientific novelty of the presented material is also due to the fact, that the short stories considered in the article (V. Mikishkin's «You Are Remembered, Macedon!», Z. Katkova's «The Alien» and «For the Sake of Love», M. Ilibaeva's «The Excavated Bed» and «Harmony of the Soul») not only in the aspect of art axiology, but also in any other aspect in the works of other authors have not yet become the subject of special scientific analysis.

Key words: Mari literature of the second half of the XX century, moral and psychological short story, art axiology, poetics, composition, figurative system, antithesis.

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project № 18-012-00086.

For citation: Kalashnikova L. V., Kudryavtseva R. A. Axiological antithesis in the figurative system of the Mari moral and psychological short story of the second half of XX century // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2019; 9 (3): 427–438.

Введение

Художественная аксиология – это одно из новых направлений современного отечественного литературоведения, актуальный методологический феномен, в рамках которого активно работают в настоящее время как теоретики [7; 20; 22; 25], так и историки литературы [1; 5; 24]. Уже есть многочисленные опыты аксиологического прочтения отдельных художественных текстов (в большей степени – русской литературы) [16; 19 и др.] и взаимоувязанного анализа «ценностного поля» автора и уровней поэтики произведения [6 и др.]. В зарубежной науке аксиология литературы представлена, главным образом, в исследованиях междисциплинарной направленности, большей частью она рассматривается в контексте проблемы взаимосвязи этической и эстетической ценности произведения [27; 29; 30], либо сквозь призму жанра [28].

Обращение к аксиологическому аспекту художественного творчества, как отмечает Н. П. Терентьева, «отражает назревшее в литературоведении стремление вновь включить художественную культуру в общекультурный – бытийный – план» [23]. Художественный мир произведения основан на определённой системе ценностей, и «аксиологическое измерение воссозданного

писателем художественного мира» [1] практически всегда является фактором формально-эстетического единства произведения.

В последние годы актуализирован вопрос об аксиологической парадигме марийской литературы, но, главным образом, в работах авторов данной статьи, посвящённых постановке проблемы [14] и рассмотрению аксиологической проблематики в родо-жанровых образованиях и отдельных произведениях [3; 4; 11; 12; 15; 26]. Настоящая статья является продолжением этих исследований и представляет собой первый в региональном и отечественном литературоведении опыт рассмотрения в контексте художественной аксиологии поэтики марийского рассказа второй половины XX века.

М. М. Бахтин указывал, что «ценностный контекст» автора – познавательно-этический и эстетически-актуальный – как бы обнимает, включает в себя «ценностный контекст» героя – этический и жизненно-актуальный [2, 71–72]. В плане «ценностного контекста героя» представляет безусловный интерес изучение композиционно-смысловой составляющей персонажной системы произведения, в которой прослеживаются позитивные и негативные авторские оценки (например, герой и антигерой), образующие аксиологическую антитезу.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать аксиологическую антитезу марийского нравственно-психологического рассказа второй половины XX века, определяющую особенности построения и смыслового насыщения его образной системы. Данное жанровое явление в указанном аспекте впервые подвергается научному анализу.

Материалы и методы

Материалами исследования стали, во-первых, рассказы марийских прозаиков второй половины XX века В. Микишкина, З. Катковой и М. Илибаевой, отобранные нами как наиболее значимые в художественном отношении и с точки зрения выраженности в них интересующей нас проблемы (аксиология и композиция образной системы). Рассматриваемые в статье рассказы «Тебя помнят, Македон!» В. Микишкина, «Чужой» и «Ради любви» З. Катковой, «Раскопанная грядка» и «Гармония души» М. Илибаевой не только в аспекте художественной аксиологии, но и ни в каком другом аспекте никем, кроме авторов данной статьи [11], не заявлялись как объект специального научного анализа. Во-вторых, материалами исследования явились результаты новейших научных разработок отечественных и зарубежных учёных по проблемам художественной аксиологии.

В ходе исследования применялись как общенаучные методы наблюдения, описания, сопоставления, анализа, синтеза, так и методы филологического анализа: структурно-семантический и типологический, – каждый из которых нацелен на изучение марийского нравственно-психологического рассказа как художественного явления второй половины XX века в неразрывной связи его ценностно-смысловой составляющей и композиционно-образной поэтики.

Результаты

Особенность нравственно-психологического рассказа проявляется в том, что в нём посредством передачи внутреннего мира персонажей раскрывается не только их индивидуальная неповторимость, но и характеризующий их уровень нравственности. По мнению А. В. Огнева, в отечественном рассказе 1950–1970-х годов обострённое внимание к нравственным вопросам

объяснялось «главными воспитательными задачами» литературы [18, 179]. Эти задачи во многом были связаны с «регуляцией поведения всех членов коллектива по отношению к нему как целому», с желанием достичь правильных ценностных отношений «между коллективом как целым и всеми его членами» [10, 116]. Актуальный для рассказчиков вопрос о нравственности внутреннего мира и внешнего поведения современника мог рождать разные сюжетные ситуации, реализующие философские типы ценностной жизни: «доминанта эгоистических ценностей, доминанта *интересов общности* и гармоническая *уравновешенность тех и других*» [10, 117] (Курсив автора цитируемого исследования. – Л.К., Р.А.).

Эгоистические ценности и интересы общности (страны, народа, конкретного социума, в том числе семьи, и т.д.) составляют аксиологическую антитезу марийского нравственно-психологического рассказа второй половины XX века и предстают в психологической проекции авторов. Рассмотрим варианты художественной конструкции рассказов такого типа и выявим систему реализуемых с их помощью художественно-аксиологических смыслов.

Первый вариант художественной реализации аксиологической антитезы в марийском нравственно-психологическом рассказе – это противопоставление, основанное на контрастных образах и понятиях. Он особенно актуален для творческого опыта В. Микишкина. Так, в его рассказе «Тебя помнят, Македон!» («Тыйым шарнат, Македон!», 1985) противопоставляются два персонажа с разными ценностно-смысловыми составляющими: Придон (герой) и Македон (антигерой). Придон – хороший друг, чуткий и открытый человек, трудолюбивый, хозяйственный, крепко стоит на ногах. Македон, которому в произведении уделено больше внимания, – прямая его противоположность.

Произведение открывается картиной встречи Македона с Придоном, который едва узнает своего школьного товарища, когда-то чуть не утопившего его в реке (об этом нелюбезном факте своей жизни вспоминает сам Македон). В рассказе дана история его жизни, представленная как ассоциативная цепочка событий, данных через восприятие (вспоминания) самого персонажа. Македон оказался неудачником, хотя мечтал о самом высоком и потенциально имел всё,

для того чтобы стать счастливым и успешным. Так, в детстве он мечтал полететь в космос, стать шофёром, комбайнёром или сделать что-нибудь хорошее для своей деревни – как видим, нравственно-ценностные установки Македона были обращёнными не только на себя, но и на общество. Персонаж вспоминает момент получения диплома и слова старого профессора, указавшего ему на несоразмерность его поведения потенциальным возможностям, заложенным природой: «*На вас, молодой мой друг, большие надежды возлагали-с, – мане*» [17, 150] («Сказал: “На вас, молодой мой друг, большие надежды возлагали-с”»¹). Автором постоянно подчёркивается обман ожиданий, незавершённость, нереализованность начатого, несовершенство (эгоизм) персонажа. Ещё в студенческие годы Македон начал злоупотреблять алкоголем, из-за этого не смог сохранить семью, постоянно менял работу (то телеграммы разносил, то на стройке работал, то дворником, то сторожем) и не состоялся как работник. Вспоминая Наташу, свою первую любовь, жену, сына, Македон размышляет о том, что он доставлял всем страдания, что из-за него его сын стал инвалидом: «*Уке, Македон, тый изи Мичушетлан уло ўмыржё мучкылан неле нумалтышыым кодышыч. Эше Наташа мўшыкыран ыле, а тый шарналте, ит лўд, кузе ик теле кастене йўшў тольыч... <...> А саде кастенак – але изи Мичушет ты тўняшке толынат огыл – шочдымо чоным аваж кўргешак эмгатышыч*» [17, 153] («Нет, Македон, маленькому Мичушу на всю оставшуюся жизнь ты обеспечил тяжёлую ношу. Наташа была беременной, а ты, вспомни, не бойся, как однажды зимним вечером пришёл пьяный... <...> И той же ночью, когда ещё не было на свете твоего маленького Мичуша, ты покалечил не родившуюся душу уже в утробе матери»).

Характер антигероя раскрывается, главным образом, в психологическом ключе. Особенностью композиции рассказа «Тебя помнят, Македон!» является то, что в повествовании постоянно присутствует форма второго лица, с помощью которой создаётся иллюзия диалога: Македон как будто ведёт диалог со своей совестью (психологическим двойником, своим антиподом). Таким способом максимально обнажается внутренняя природа Македона; двойник делает

явным недостатки его характера, обсуждая с ним историю его жизни в постоянном сопряжении с судьбой и характером противопоставленного ему Придона. В результате Придон и психологический двойник Македона в аксиологической проекции уравниваются.

Такая повествовательная структура обусловила наличие в тексте множества вопросительных и восклицательных предложений, привязанных к речи двойника: «*Чынжым ойлаш гын, тугаймытым тый от йўрате. Кўранет? Да. О, эше кузе кўранет, Македон! Южгунам кўргетым тунар шыде пурын пуреш, когартен когарта, логар ангым пикта!..*» [17, 143] («Честно говоря, таких ты не любишь. Завидуешь? Да. О, ещё как завидуешь, Македон! Иногда злость так сильно грызёт внутри, обжигает, горло души!..»). В определённые моменты обвинительные речи двойника начинают восприниматься как критическая саморефлексия исходного положительного персонажа, в связи с чем у читателя создаётся иллюзия сложности и противоречивости характера Македона.

Сопрягаемые друг с другом воспоминания Македона и речь осуждающего его двойника (формально они выглядят как несобственно-прямая речь) обнажают и другие, кроме эгоизма, антиценности, составляющие основу характера ключевого персонажа и отвергаемые автором. Так, в мечтах персонажа, внешне, казалось бы, благородных (благоустроить родную деревню), он подмечает простое желание прославиться и казаться в глазах окружающих лучше, чем есть на самом деле: «*Тўнгжё – чап. Пошкудо ончылно кўш кўзаш*» [17, 146] («Главное – слава. Надо возвысить себя в глазах соседей»). В следующем эпизоде двойник Македона иронизирует над его завышенным самомнением и необоснованным желанием быть выше и лучше всех: «*Кўзаш гын, кўзаш! Эрташ сакый Придонмытым... <...> Хе, «эрташ». Ончал ынде шкендычыым, Македон. Мо шот дене эртышыч йолташетым? Мо дене куандарышыч шочмо ялетым? Кё моктанаш тўнгалеш тыйын лўмет дене: ончыза, мемнан землякна Македон Пекшиков!»* [17, 146] («Возвыситься так возвыситься! Обогнать всяких Придонов... <...> Хе, “обогнать”. Посмотри на себя, Македон. И чем же ты обогнал своего друга? Чем ты порадовал свою родную деревню?»

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

Кто будет гордиться твоим именем: посмотрите, наш земляк Македон Пекшиков»). Итогом жизни, построенной на эгоизме, самолюбования и неуважении к людям, становится бесславный конец: Македон ничего в жизни не добился, ничего не сделал полезного людям, семье и умер на дороге – по пути к жене и сыну. В этот момент повествования (смерть сознания) уже нет необходимости в психологизме и двойничестве. Далее В. Микишкин переходит к аукториальному повествованию и переводит свой взгляд на судьбу и мысли Натальи, оказавшейся, в противовес Македону и сродни Придону, сильным, ответственным и сострадающим человеком.

Противопоставление разных нравственных принципов заложено и в концепции рассказа М. Илибаевой «Гармония души» («Кумыл», 1983). Источником аксиологической антитезы и психологического повествования является следующая интрига: бабушка Качыри и её дочь Начи общими усилиями построили новый большой дом, но, когда наступило время в него вселиться, дочь попросила свою мать остаться жить в старом доме, дабы не мешать её счастью с переехавшим к ней мужчиной. Финальная сцена (мать отказывается от предложения дочери перейти жить в новый дом) диссонирует с этой интригой; она важна скорее как завершение аксиологического портрета матери (любовь к дочери и принципиальность, достоинство и гордость). Антигерой (Начи) – это воплощение эгоизма, равнодушия, примат сиюминутных ценностей, жизнь вне нравственных ценностей и принципов семьи и рода.

Психологическая линия бабушки Качыри дана в многообразии чувств и переживаний, открывающих её нравственные качества: радость от предстоящего переселения в новый дом (*Качыри кокалан куанже шукерте огыл мучаидымыла чучын. Манаш веле, удырамаш вужа тыгай чапле пёртым ыштен шынде-я*) [9, 96] – «Радость бабушке Качыри казалась бесконечной. Подумать только, построй-ка женщина своими силами такой дом!); удивление, вызванное в ней словами дочери о том, что старый дом не нужно разбирать, что матери предстоит там жить; обида на дочь и зятя, желание победить свою обиду, быть выше обиды; борьба со своими чувствами, показывающая удивительное самообладание героини (*«Качыри кока вене лийшыжлан кузе-гынат порын вавешташ тыршыш*)» [9, 99] – «Бабушка Качыри попыталась ответить ставшему её зятем

как можно вежливей»); желание подавить свою злость и реально оценивать любого человека – так в своём зяте она находит хорошие качества и проникается к нему уважением; терпение и гордость (*«Начи аважым мыняр сёрвален үжсö гынат, Качыри кока тетла йүкымат ыш лук. Чытырыше кукишо кидше дене чурийже мучко шер пырче гай йоген вольшо шинчавүдшым үштылят, ончалтышыжым туврашыш вктарыш*)» [9, 100] – «Сколько ни просила Начи мать, бабушка Качыри больше не подала ни звука. Дрожащими руками утёрла текущие по всему лицу, как бусинки, слёзы и направила взгляд на матицу»). Чувства бабушки Качыри, выражающие нравственно-ценностные составляющие её характера, в основном, обозначаются прямо – через внутренние монологи, несобственно-прямую речь и собственно психологические детали. Переживания же её дочери Начи, тщательно скрывающей свои эгоистические мысли и не выражающей прямо свои сомнения, изредка посещающие её, рисуются большей частью с помощью косвенных деталей. (*«Начи каласышаш ойжым кужун вискалыш, парнялажым ятыр туржын тодышто*)» [9, 98] («Начи долго подбирала и взвешивала слова, которые хотела сказать, долго тёрла и ломала свои пальцы»)) – так представляет автор тайное желание Начи оградить себя от лишних глаз и ненужных забот и максимально сосредоточиться на собственной личной жизни.

Второй вариант художественной реализации аксиологической антитезы – это рассказы З. Катковой «Чужой» и «Ради любви». В них нет открытого ценностного противопоставления двух типов персонажей (героя и антигероя). Так, в рассказе «Чужой» аксиологическая антитеза заложена в психологическом сюжете, в основе которого переживания одного персонажа – больного, «умирающего» человека, страдающего от осознания своей ненужности: «... в тихом шорохе ветки ему чудился чей-то голос, настойчиво шептавший: «Чужой, чужой...» [13, 262]. Когда-то у него была нормальная семья: любящая жена, любимые дети. Но Дмитрий Ксенофонович (так зовут главного персонажа) опрометчиво пренебрёг ими, оставил их ради весёлой жизни с другими женщинами. На закате своей жизни, насытившись любовными историями, в поисках семейного гнезда, он соединил свою судьбу с понравившейся ему женщиной, но

«смертельно» ошибся: она его не любит и живёт с ним только ради его денег. Умирая, он осознает, что безнадежно одинок, ибо даже единственный сын «холоден» к нему. Главным приёмом, с помощью которого реализуется психологический сюжет, становится несобственно-прямая речь персонажа.

Таким образом, в психологическом сюжете, основанном на осмыслении персонажем своей судьбы, автор выстраивает такую аксиологическую смысловую антитезу: с одной стороны, индивидуализм и, с другой стороны, проснувшаяся в персонаже ответственность перед близкими. Потеря ответственности в бурном водовороте личной жизни осознается персонажем как его вина, но к пониманию того, что нарушен им важнейший нравственный закон, он приходит лишь в силу жизненных обстоятельств, доказавших его нравственную несостоятельность. Окружающий мир безжалостен по отношению к человеку, так поздно осознавшему свою ошибку, своё безнравственное прошлое. Такое отношение ассоциировано с кладбищенским безмолвием, образ которого возникает в конце произведения: «*В тиши прохладных комнат, наполненных кладбищенским безмолвием, чуть слышалось однотонное: «Шу-у... чио-о... шу-у... чио-о...»*» [13, 265].

Вышеобозначенная рефлексия персонажа – это не движение в сторону «гармонической уравновешенности» (М. С. Каган) эгоистических интересов и интересов семьи, однако автор-повествователь в определённой мере вносит в неё мотив нравственного пробуждения и рассчитывает на некое сострадание к персонажу со стороны читателя.

Такой художественной стратегии способствуют и многочисленные «психологические куски» рассказа, в том числе в сильных позициях текста. Так, автором используется композиционное «кольцо»: в начале и конце рассказа дан весенний пейзаж в психологической функции. В начальном пейзажном описании назойливо повторяются похожие слова и выражения: «*А за окном шумела зелёной листвой весна. Ветка цветущей яблони мягко тёрлась об оконное стекло»*» [13, 265]. При этом пейзаж дан не в составе традиционного психологического параллелизма, как это часто бывает в марийских рассказах; его функция – усилить драматизм положения персонажа по принципу от противоположного («мягкая»

и умиротворенная гармония, которая в природе, отсутствует в эмоциональном мире «умирающего», и наблюдение за ней ещё больше погружает его в тоску).

В контексте психологического драматизма и в разрезе аксиологической проблемы пробуждения совести, безусловно, значимы и другие художественные средства, например, песенный интертекст, вставленный в несобственно-прямую речь персонажа. В рассказе воспроизведены строчки из песни, которую когда-то напевала Дмитрию Ксенофонтовичу его бывшая и любящая жена Даша. Он пытается вспомнить и перебирает в памяти, кто бы мог петь эту песню, но, когда вспомнил, «вздрогнул» от стыда и застыл в мольбе о прощении: «*... голоса куда-то исчезли. На смену им издали, сначала тихо, потом все громче, отчетливее, всплыл полузабытый напев: Кудряшечки, мои черные, кудряшечки шелковистые... Человек вздрогнул, как от удара. Теперь он вспомнил все, и в широко раскрытых глазах его застыла немая мольба. «Даша, сероглазая хохотунья... Как же я сразу-то не подумал про тебя? Прости...»*» [13, 263].

Частью внутренних переживаний персонажа является и его сын, в частности, его молодость и внешняя красота: «*Сын... Игорь. Родной. Вылитый отец. Ростом высок, косая сажень в плечах. Брови, что два орлиных крыла. Смоляные кудри вьются колечками, как вились когда-то и у него вот эти жидкие седые пряди»*» [13, 264]. Он ассоциирован с ним самим в молодости, ещё чистым и не испорченным; осознание неверно выбранного жизненного поведения подчёркивается антитезой, выраженной в деталях: «вылитый отец» и кудри, как у отца, но у отца не выщипанные колечками, а «жидкие седые пряди».

Весь рассказ проникнут атмосферой конца жизни. Фактически герой жив, но он «чувствовал, что впереди – мрак и холод» [13, 261]. Дмитрия Ксенофонтовича давят душевный груз и угрызения совести, и он ждёт смерти как возможности освобождения от них. С таким психологическим смыслом максимально коррелируют многочисленные повторы, усиливающие драматизм повествования: звуковые (шум ветра, трение ветки яблони об оконное стекло), лексические («чужой», «умирал», «умереть» и его синоним «превратиться в ничто»).

В другом произведении З. Катковой «Ради любви» аксиологическая антитеза также вплетена

в психологический сюжет, в котором заявлена саморефлексия главного персонажа – антигероя. Ирина – безвольная и легкомысленная женщина, не уважающая мужа, его старания по сохранению любви, семьи, малыша, который должен родиться. Противоречия в мыслях и чувствах Ирины заявлены автором как фактор её нравственного роста в унисон духовной эволюции окружающих её людей: мужа, сестрёнки, друзей. Ирина в мыслях сравнивает себя именно с ними, хотя все ещё привязана совсем к другому «берегу» – безнравственному и ленивому Арнольду («... будто Арнольд хочет сказать: "Жизнь, Ирок, надо прожить легко и беззаботно. В этом – весь её смысл"») [13, 258]. Автор вербализирует свою желаемую заявку на выбор Ириной другой ценностно-жизненной перспективы, а именно, труда (вместо пустого прозябания) и жизни среди людей, в кипящем мире общественных отношений (вместо лени и замкнутого существования): «*Завтра же пойду на завод. Пусть примут хоть ученицей!*» [13, 258]. Подобное решение психологического сюжета было очень характерным явлением «советской линии» отечественной литературы 1960–1970-х годов, к которой, собственно, относится и творчество З. Катковой, и трактовалось как «процесс вызревания <...> психологических качеств социалистической личности» [21, 6].

В рассказе М. Илибаевой «Раскопанная грядка» («Шем йыран», 1986), который можно считать третьим вариантом художественного представления аксиологической антитезы в марийском нравственно-психологическом рассказе второй половины XX века, наряду с прямым противопоставлением героя и антигероя, наличествует ещё и процесс активного (не пассивного, как это в рассказах З. Катковой) нравственного преобразования антигероя, что позволяет говорить о ещё более высокой степени позитивной авторской коннотации по отношению к рефлексирующему персонажу, чем в рассказах З. Катковой.

Повествование в «Раскопанной грядке» ведётся, главным образом, от третьего лица. С точки зрения психологизма, такая форма повествования «обладает рядом преимуществ в изображении внутреннего мира героя <...>: одновременно повествователь может интерпретировать внешнее поведение героя, его мимику и пластику и т.п. <...>, включать в произведение самые

разные формы психологического изображения <...>, свободно обращаться с художественным временем» [8, 37]. В рассказе переплетаются речь повествователя (основной повествовательный поток) и мысли, высказывания главного героя – Элая. Так, в начале рассказа повествователь наблюдает за пожилой женщиной (старухой Микиша), которая с трудом поднимается на горку с вёдрами, полными воды; за ней же наблюдает ещё и Элай (второй план фокализации). При скрипе коромысла на её слабых плечах Элай цепенеет: «*Вүдвара лый-й магыралта. Элайлан көргыштыжө адак ала-мо кўрылтмыла чучеш*» [9, 80] («Коромысло закрипело. Элаю снова показалось, будто что-то у него внутри оборвалось»). Причина его внутреннего смятения и тревоги раскрывается в дальнейшем повествовании: дочь старухи Микиша родила от Элая сына и, не выдержав сплетен, ушла из дома, оставив старую мать.

Так вырисовываются два типа образов с чётким аксиологическим содержанием: беспомощная старуха Микиша, терпеливая, стойкая и мудрая женщина (мать и бабушка), верная семье (неслучайно названа не своим личным именем, а по имени мужа – старая жена Микиша), и Элай, раб сиюминутных обстоятельств, проявивший слабость характера и ничего не сделавший для того, чтобы защитить женщину, мать своего ребёнка. Эта содержательная антитеза, несомненно, занимает в произведении важное место, однако авторский взгляд в большей степени сосредоточен на психологическом конфликте внутри антигероя и на его стремительном нравственном прозрении и преобразовании. Передаче внутренней динамики персонажа (раскаяние и сознательная попытка исправления ситуации) максимально подчинены в тексте его несобственно-прямая речь и внутренние монологи: «*Кеч йўкын шорт, кычкыре – кө мыйым умыла? Тиде нөрө шудо ўмбалне кеч чон йёсын пёрдал – кө мылам полша? Лучо шўктарен вурсыжо – чытем, лачак польышем ынже шўкал ыле. <...> Кёлан кўлеш погем? Кёлан верч саклем озанлыкем?*» [9, 84] («Хоть рыдай, хоть кричи – кто меня поймёт? Хоть валяйся на этой зелёной траве от душевной боли – кто мне поможет? Лучше бы ругала меня последними словами – стерплю, но не отвергала бы мою помощь. <...> Кому нужно моё богатство? Кому храню своё хозяйство?»).

Развёрнутая внутренняя речь персонажа, позволяющая передать глубину его душевных переживаний, даёт возможность говорить об авторских симпатиях к герою. Элай, испытав страдания, внутренне очищается, нравственно возвышается. Этому изменению способствует также старуха Микиша, судьба которой рисуется параллельно с судьбой Элая. В рассказе нет многосторонней её характеристики; её единственная фраза «*Мне ничего не нужно*» всплывает только в воспоминаниях Элая, но она максимально передаёт её нравственную сущность (скромность, гордость, достоинство, внутренняя сила, природная мудрость и т.д.). Она является для Элая напоминанием о его нечестном и эгоистическом поведении в прошлом, его вине, а также эталоном нравственного поведения.

В конце рассказа появляется деталь, связанная с названием произведения («Раскопанная грядка»): «*Тушечын ончалтышыже Микиш куван ойыртегалтын шемын койын кийыше йырангышкыже кусныш. Шем йырангым ужо, да шүмжылан адак роп лие...*» [9, 83] («Оттуда перевёл взгляд на грядку старухи Микиша, по-особому кажущуюся чёрной. Увидел раскопанную (букв.: чёрную. – Л. К., Р. К.) грядку, и в его душе снова что-то оборвалось...»). Эта деталь (чёрная раскопанная грядка) предстаёт психологическим лейтмотивом главного персонажа, мучает его, выводит из душевного равновесия. Элай пытается помочь этой пожилой женщине, по ночам исподтишка делает за неё её работу, но она не принимает его заботу: не топит печь расколотыми им дровами, ничего не сажает на раскопанной им чёрной грядке, будто протестуя другим, чужим, нормам человеческого поведения. Так, через образ раскопанной чёрной грядки высвечивается авторская идея, связанная с нравственными нормами жизни, которые приняты в обществе: жизнь индивида не по нравственным законам может больно ранить другого человека, а залечивание этих ран может занять многие годы или, вообще, невозможно.

Движение героя к пониманию своих ошибок, к нравственности передаётся через пейзажное и портретное описание. Так, пейзажная картина фиксирует состояние глубокого одиночества Элая: «*Шёртнө тўсым шавыше кас кечым шижде изи пыл лапчык ұмылтыш. Тунамак лыжга мардеж чурыйжым ужар азан кидшыла шыман ниялтен эртыш. <...> Ял вок-*

тенсе куэр гыч йонгалтыше шкет кукун йўкшө шыпланыш» [9, 83] («Лоскуток тучи закрыл солнце, сеющее золотым светом. Тут же ласковый ветер, как только что родившийся ребёнок, дотронулся до его лица. <...> Голос одинокой кукушки из ближнего к деревне березняка прервался»). Человеку, лишившему себя счастья отцовства и осознавшему свою вину, даже ветер представляется нежными руками ребёнка. В вышеприведённой цитате встречается также образ кукушки, которая в марийской традиционной культуре является символом одиночества. Далее в тексте приводятся и слова народной песни, в которой именно кукушка занимает центральное место:

Кызыт шкетын кодым

Сур куку гаяк,

Неле кече годым

Тый күлат, тьяк! [9, 84].

(Теперь остался один,
Словно серая кукушка,
В трудные дни
Ты нужен, только ты!).

Строчки из песни приходят на ум главного персонажа, когда он слышит голос кукушки и сердится на неё за то, что та прилетела именно в его огород. Он видит сходство между собой и кукушкой.

В психологическом портрете Элая акцент сделан на глубоких и искренних его страданиях: «*Шкежат палаш лийдымын ваиталтын. Туп-ваче шупшылалтын. Сугыргымыла веле коеш. Кап-кылжат туртын. Шинчаже лакемын. Ожнысо чолга ончалтышыжым ужнет гынат, ынде от уж. Ала ұпшө сурештмылан чурыйже шемеммыла коеш. Резыж годсыла мыскарам шырге ойлен колтышо Элайын пушыжат кодын огыл»* [9, 84] («И сам [Элай. – Л. К., Р. К.] изменился до неузнаваемости. Спина и плечи стали уже. Кажется, будто сгорбился. И тело сжалось. Глаза ушли внутрь. Даже при желании невозможно увидеть дерзкий взгляд, что был раньше. Может быть, оттого что волосы поседели, лицо кажется почерневшим. От часто шутившего в молодости Элая не осталось и следа (букв.: запаха. – Л. К., Р. К.)). На место прежней беззаботности пришли к Элаю чувство вины и искреннее раскаяние, которые осмыслены автором как позитивные нравственные ценности. Его желание искупить вину, в основном,

передаётся с помощью психологических деталей и желаемых, но не реализованных действий, что особенно ярко выражено в ситуации наблюдения Элаем за старухой Микиша: «... Элайын пуйто ишке йол вийже кайыш, неле ведра-влак пуйто тудын катшыш пызыралыч. Теве-теве, куржын волен, шонго ўдырамышын вачўмбаач вўдварам шкенжыныш пышта, виян пўрбен йолжо дене тошкалын, тура энгер серышкат кўза» [9, 80] («... у Элая будто свои ноги ослабели, тяжёлые вёдра будто придавили его тело. Вот-вот, подбежав, переложит коромысло с плеча пожилой женщины на своё и, ступая сильными мужскими ногами, быстро поднимется на крутой берег»).

Таким образом, используя разнообразные психологические приёмы и форму воспоминаний-размышлений персонажа, автор выстраивает его движение от беззаботного и циничного весельчака к серьёзному человеку, страдающему и понимающему окружающих его людей, обозначает путь Элая к нравственному очищению, которое возможно через глубокое и настоящее страдание.

Обсуждение и заключение

Итак, нравственно-психологические рассказы второй половины XX века являются реализо-

ванным желанием марийских писателей исследовать духовно-нравственный мир современного человека. В них много внимания уделено размышлениям, воспоминаниям и переживаниям героев. Сюжетные движения фиксируют уровень их нравственного поведения с точки зрения общественных ценностей, тенденции нравственного падения или роста. Большую роль во внутренней характеристике героев играют не только традиционные приёмы психологизма, например, внутренний монолог и несобственно-прямая речь, но и детали в психологической функции, которыми насыщены рассказы.

Результатом нашего исследования стало установление неразрывной связи аксиологической авторской концепции и поэтики композиции в нравственно-психологическом рассказе второй половины XX века. Композиция образной системы всех рассмотренных нами рассказов основана на аксиологической антитезе. Можно говорить о трёх вариантах такой художественной конструкции в марийском нравственно-психологическом рассказе указанного периода: ценностное противостояние героя и антигероя; ценностная антитеза во внутреннем мире рефлексирующего персонажа; герой и антигерой + активно меняющийся антигерой.

Список источников и литературы

1. Абдуллина Д. А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 208 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-aksiologiya-v-avtobiograficheskoi-trilogii-ln-tolstogo> (дата обращения: 20.05.2019).
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. 544 с.
3. Беляева Т. Н. Аксиологическая проблематика пьес Юрия Байгузы // *Litera*. 2018. № 3. С. 171–177.
4. Беляева Т. Н., Рябинина М. В. Ценностные аспекты проблематики исторических романов Леонида Яндака // *Казанская наука*. 2018. № 9. С. 15–17.
5. Власкин А. П. Поле аксиологической напряжённости в романе «Преступление и наказание» // *Достоевский и современность: материалы XXIII Международных Старорусских чтений 2008 года*. Великий Новгород: [б. и.], 2009. С. 32–41.
6. Головкин В. М. Время-пространство в художественной аксиологии повести Н. С. Лескова «Смех и горе» // *Знание. Понимание. Умение*. 2012. № 1. URL: <https://psibook.com/literatura/vremya-prostranstvo-v-hudozhestvennoy-aksiologii-povesti-n-s-leskova-smeh-i-gore.html> (дата обращения: 19.05.2019).
7. Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия. URL: <http://philolog.petrsu.ru/filolog/konf/1994/29-esaulov.htm> (дата обращения: 20.04.2019).
8. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
9. Илибаева М. Кумыл: повесть ден ойлмыш-влак [Гармония души: повести и рассказы]. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2003. 192 с.
10. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
11. Калашникова Л. В. Рассказ М. Илибаевой «Раскопанная грядка»: психологизм и нравственно-ценностные установки автора // *Богатство финно-угорских народов: материалы V Международного финно-*

угорского студенческого форума (г. Йошкар-Ола, 24–26 мая 2018г.). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2018. Вып. 5. С. 80–82.

12. Калашникова Л. В., Кудрявцева Р. А. Ценность человеческой жизни в рассказах Ф. Майорова «Кленовый лист» и О. Генри «Последний лист» (сравнительный анализ) // Казанская наука. 2018. № 9. С. 27–31.

13. Каткова З. Адресат выбыл: повести и рассказы [пер. с марийского автора]. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 272 с.

14. Кудрявцева Р. А. Аксиологическая парадигма марийской литературы: состояние и горизонты научного изучения проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3(57). Ч. 1. С. 25–29.

15. Кудрявцева Р. А., Гусева Н. В. Героическая проблематика марийского рассказа 1941–1945 годов в контексте ценностных установок авторов // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2018. С. 264–267.

16. Кузнецова Е. В. Счастье в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (аксиологический аспект) // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27). Ч.1. С. 82–83.

17. Микишкин В. Пёрдем: повесть ден ойлымаш-влак = Круговорот: повести и рассказы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 224 с.

18. Огнев А. В. Русский советский рассказ 50-70-х гг.: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1978. 208 с.

19. Петров В. Б. Художественная аксиология Михаила Булгакова. М.: Прометей, 2002. 348 с.

20. Попова Е. В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 326 с.

21. Проблемы психологизма в советской литературе: сб. ст. Л.: Наука, 1970. 395 с.

22. Семенова Е. В. Художественная аксиология русской литературы: терминологический аппарат // Инновационная наука. 2016. № 2. С. 87–89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/hudozhestvennaya-aksiologiya-russkoy-literatury-terminologicheskiiy-apparat> (дата обращения: 15.05.2019).

23. Терентьева Н. П. Аксиологический подход к изучению художественного мира литературного произведения в литературоведении и методике. URL: <https://docplayer.ru/31671781-Aksiologicheskiiy-podhod-k-izucheniyu-hudozhestvennogo-mira-literaturnogo-proizvedeniya-v-literaturovedenii-i-metodike-n-p.html> (дата обращения: 12.05.2019).

24. Фролова А. В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 20 с.

25. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.

26. Zaitseva T. I., Belyaeva T. N., Kudryavtseva R. A., Maksimova O. M. Axiological Aspects of ornithological Topic in the mari and udmurt Drama of the second half of XX – the beginnings of the XXI Century // SOCIOINT 2018 – 5th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities (2–4 July, 2018 – Dubai, UAE). Dubai OCERINT, 2018. pp. 401–406. URL: http://www.ocerints.org/socioint18_e-publication/abstracts/papers/283.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

27. Harpham G. G. Ethics and Literary Criticism // The Cambridge Encyclopedia of Literary Criticism. Vol. 9. Twentieth-Century Historical and Psychological Perspectives. New York: Cambridge University Press, 2008. pp. 371–385.

28. Magrini James At the Intersection of Philosophy, Literature, and Ethics: Axiology Through the Genre of Literary Fiction. URL: <http://works.bepress.com/magrini/4/> (дата обращения: 22.04.2019).

29. Mapping the Ethical Turn. A Reader in Ethics, Culture, and Literary Theory. Ed. by T. F. David, K. Womack. Charlottesville and London: University Press of Virginia, 2001. 296 p.

30. Moral and Philosophical Approaches // A Handbook of Critical Approaches to Literature. Ed. by Guerin W. L., Labor E., Morgan L. New York and Oxford: Oxford University Press, 2005. pp. 77–89.

References

1. Abdullina D. A. *Hudozhestvennaya aksiologia v avtobiograficheskoy trilogii L. N. Tolstogo* [Artistic axiology in autobiographical trilogy of L. N. Tolstoy]. Magnitogorsk, 2005. 208 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/khudozhestvennaya-aksiologiya-v-avtobiograficheskoi-trilogii-ln-tolstogo> (accessed May 20, 2019). (In Russian)

2. Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1986. 544 p. (In Russian)

3. Belyaeva T. N. *Aksiologicheskaya problematika p'es Yuriya Bajguzy* [The axiological problems of plays by Yuriy Bayguza]. *Litera* [Litera], 2018, no. 3, pp. 171–177. (In Russian)
4. Belyaeva T. N., Ryabinina M. V. *Cennostnye aspekty problematiki istoricheskikh romanov Leonida Yandaka* [Axiological aspects of historical novels by Leonid Yandak]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 2018, no. 9, pp. 15–17. (In Russian)
5. Vlaskin A. P. *Pole aksiologicheskoy napryazhennosti v romane «Prestuplenie i nakazanie»* [The field of axiological tension in the novel «Crime and Punishment»]. *Dostoevskij i sovremennost': materialy XXIII Mezhdunarodnyh Starorusskikh chtenij 2008 goda* [Dostoevsky and modernity: materials of the XXIII International Old Russian Readings of 2008]. Veliky Novgorod: [w/p], 2009. pp. 32–41. (In Russian)
6. Golovko V. M. *Vremya-prostranstvo v hudozhestvennoj aksiologii povesti N. S. Leskova «Smekh i gore»* [Time and space in the artistic axiology of the novel «Laughter and Grief» by N. S. Leskov]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. Available at: <https://psibook.com/literatura/vremya-prostranstvo-v-hudozhestvennoj-aksiologii-povesti-n-s-leskova-smekh-i-gore.html> (accessed May 19, 2019). (In Russian)
7. Esaulov I. A. *Literaturovedcheskaya aksiologiya: opyt obosnovaniya ponyatiya* [Literary axiology: the experience of the justification of the notion]. Available at: <http://philolog.petsu.ru/filolog/konf/1994/29-esaulov.htm> (accessed April 20, 2019). (In Russian)
8. Esin A. B. *Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury* [The psychology of Russian classical literature]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1988. 176 p. (In Russian)
9. Ilibaeva M. *Kumyl: povest' den ojlymash-vlak* [The harmony of the soul: novels and stories]. Yoshkar-Ola: Marij kniga savyktysh Publ., 2003. 192 p. (In Mari)
10. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya cennosti* [Philosophical theory of value]. Saint-Petersburg: Petropolis Publ., 1997. 205 p. (In Russian)
11. Kalashnikova L. V. *Rasskaz M. Ilibaevoj «Raskopannaya gryadka»: psihologizm i npravstvenno-cennostnye ustanovki avtora* [The story «Excavated Bed» by M. Ilibaeva: the psychology and moral values according to the author]. *Bogatstvo finno-ugorskih narodov: materialy V Mezhdunarodnogo finno-ugorskogo studencheskogo foruma (g. Yoshkar-Ola, 24–26 maya 2018 g.)* [Wealth of the Finno-Ugric peoples: materials of the V International Finno-Ugric Student Forum (Yoshkar-Ola, May 24–26, 2018)]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t Publ., 2018. Vol. 5, pp. 80–82. (In Russian)
12. Kalashnikova L. V., Kudryavtseva R. A. *Cennost' chelovecheskoj zhizni v rasskazah F. Majorova «Klenovyj list» i O. Genri «Poslednij list» (sravnitel'nyj analiz)* [The value of human life in the stories by F. Mayorov «The Maple Leaf» and O. Henry «The Last Leaf» (comparative analysis)]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 2018, no. 9, pp. 27–31. (In Russian)
13. Katkova Z. *Adresat vybyl: povesti i rasskazy / per. s marijskoj avtora* [The addressee has left: novels and stories]. Transl. from the Mari by the author. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1987. 272 p. (In Russian)
14. Kudryavtseva R. A. *Aksiologicheskaya paradigma marijskoj literatury: sostoyanie i gorizonty nauchnogo izucheniya problemy* [Axiological paradigm of Mari literature: state and horizons of scientific study of the problem]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of the theory and practice], 2016, no. 3 (57), part 1, pp. 25–29. (In Russian)
15. Kudryavtseva R. A., Guseva N. V. *Geroicheskaya problematika marijskogo rasskaza 1941–1945 godov v kontekste cennostnyh ustanovok avtorov* [Heroic problematics of the Mari story of 1941–1945 in the context of the authors' values]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii: sb. statej* [Problems of Mari and comparative philology: collection of articles]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t Publ., 2018. pp. 264–267. (In Russian)
16. Kuznetsova E. V. *Schast'e v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot» (aksiologicheskij aspekt)* [Happiness in F. M. Dostoevsky's novel «The Idiot» (axiological aspect)]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2009, no. 8 (27), part 1, pp. 82–83. (In Russian)
17. Mikishkin V. *Pördem: povest' den ojlymash-vlak* [The Cycle: novels and stories]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1991. 224 p. (In Mari)
18. Ognev A. V. *Russkij sovetskij rasskaz 50–70-h gg.* [Russian Soviet story of the 50–70s]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1978. 208 p. (In Russian)
19. Petrov V. B. *Hudozhestvennaya aksiologiya Mihaila Bulgakova* [Artistic axiology of Mikhail Bulgakov]. Moscow: Prometej Publ., 2002. 348 p. (In Russian)
20. Popova E. V. *Cennostnyj podhod v issledovanii literaturnogo tvorchestva* [Value approach in the study of literary creativity]. Moscow, 2004. 326 p. (In Russian)
21. *Problemy psihologizma v sovetskoj literature* [Problems of psychology in the Soviet literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1970. 395 p. (In Russian)
22. Semyonova E. V. *Hudozhestvennaya aksiologiya russkoj literatury: terminologicheskij apparat*

[Artistic axiology of Russian literature: terminology]. *Innovacionnaya nauka* [Innovative science], 2016, no. 2, pp. 87–89. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/hudozhestvennaya-aksiologiya-russkoy-literatury-terminologicheskij-apparat> (accessed May 15, 2019). (In Russian)

23. Terentyeva N. P. *Aksiologicheskij podhod k izucheniyu hudozhestvennogo mira literaturnogo proizvedeniya v literaturovedenii i metodike* [Axiological approach to the study of the literary world in literary study and methodology]. Available at: <https://docplayer.ru/31671781-Aksiologicheskij-podhod-k-izucheniyu-hudozhestvennogo-mira-literaturnogo-proizvedeniya-v-literaturovedenii-i-metodike-n-p.html> (accessed May 12, 2019). (In Russian)

24. Frolova A. V. *Hudozhestvennaya aksiologiya novokrest'yanskoj poezii pervoj treti XX veka* [Artistic axiology of new peasant poetry of the first third of the XX century]. Voronezh, 2006. 20 p. (In Russian)

25. Khalizev V. E. *Cennostnye orientacii russkoj klassiki* [Value orientations of Russian classics]. Moscow: Gnozis Publ., 2005. 432 p. (In Russian)

26. Axiological Aspects of ornithological Topic in the mari and udmurt Drama of the second half of XX – the beginnings of the XXI Century / Zaitseva T. I., Belyaeva T. N., Kudryavtseva R. A., Maksimova O. M. *SOCIOINT 2018 – 5th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities (2–4 July, 2018 – Dubai, UAE)*. Dubai OCERINT, 2018. pp. 401–406. Available at: http://www.ocerints.org/socioint18_e-publication/abstracts/papers/283.pdf (accessed August 20, 2018). (In English)

27. Harpham G. G. *Ethics and Literary Criticism*. The Cambridge Encyclopedia of Literary Criticism. Vol. 9. Twentieth-Century Historical and Psychological Perspectives. New York: Cambridge University Press, 2008. pp. 371–385. (In English)

28. Magrini James *At the Intersection of Philosophy, Literature, and Ethics: Axiology Through the Genre of Literary Fiction*. Available at: <http://works.bepress.com/magrini/4/> (accessed April 22, 2019). (In English)

29. *Mapping the Ethical Turn. A Reader in Ethics, Culture, and Literary Theory*. Ed. by T. F. David, K. Womack. Charlottesville and London: University Press of Virginia, 2001. 296 p. (In English)

30. Moral and Philosophical Approaches. *A Handbook of Critical Approaches to Literature*. Ed. by Guerin W. L., Labor E., Morgan L. New York and Oxford: Oxford University Press, 2005. pp. 77–89. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Калашникова Лариса Вячеславовна, магистрант института национальной культуры и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (424000, Российская Федерация, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1).

lvkala@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-9775-7226

Кудрявцева Раисия Алексеевна, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (424000, Российская Федерация, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), доктор филологических наук.

kudsebs@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8933-5955

ABOUT THE AUTHORS:

Kalashnikova Larisa Vyacheslavovna, Master's Student, Institute of National Culture and Intercultural Communication, Mari State University (424000, Russian Federation, the Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lenin sq., 1).

lvkala@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-9775-7226

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna, Professor, Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University (424000, Russian Federation, the Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lenin sq., 1), Doctor of Philological Sciences.

kudsebs@rambler.ru

ORCID ID 0000-0001-8933-5955